

Глава III. СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕНТАЛИТЕТА РУССКИХ

3.1. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ МЕНТАЛИТЕТА – ОСНОВА ИСТОРИКО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РЕСУРСА МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В 1990–2010 гг. исследования этнических менталитетов явились областью формирования историко-психологического ресурса методологии исторического познания российской цивилизации. К её разработке были причастны представители всех без исключения социально-гуманитарных наук, понимавшие значение принципа психологизма в изучении природы становления и продолжительности социальных связей и отношений, которые собственно и определяют сущность общества и его историю. В течение первого десятилетия сложился определённый алгоритм изучения указанных феноменов, состоявший из следующих ступеней: проведения историографического анализа основного понятия и выявления его признаков; определения внутренней структуры и функций; установление особенностей конкретного этнического менталитета в сравнении с другими, указания на его проявления и взаимосвязь с различными формами жизнедеятельности населения; рассмотрения природных и социальных факторов формирования¹. В рамках ука-

¹ См.: Большаков А. Ю. Феномен русского менталитета: основные направления и методы исследования // Мировосприятие и мирознание русского общества. – Вып. 3. Российская ментальность: методы и проблемы изучения Сб. статей / Отв. ред. А. А. Горский. – М., 1999. – С. 94 - 123; Бороноев А. О., Смирнов П. И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. – СПб.: Лениздат, 1992. – 144 с.; Визгин В. П. Ментальность, менталитет // Современная западная философия. Словарь. – М.: Политиздат, 1991. – С. 176; Герасимов И. В. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. – 1994. – № 4. – С. 63 - 73; Курячьева А. Н. Российский менталитет в условиях современного технологического переворота (методологический аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2000. – 27 с.; Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет? Исторические заметки // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 158 - 166; Шевя-

занной последовательности моделировались различные смысловые комбинации нового аналитического аппарата в референтных истории областях знаний: психологии, культурологи, социальной философии, политологии и других, в которых она использовалась как тип когнитивной исследовательской деятельности с присущими конкретно-историческими методами исследования.

Распространённая практика тиражирования из одних работ в другие процедуры сопоставления определений по формальным признакам содержала скрытую угрозу превращения её в банальный выбор между интеллектуальными предпочтениями. В роли контрверзы оказались поставленные, но пока не решённые проблемы о целесообразности разделения понятий менталитета и ментальности, вошедших, в том числе, и в научный лексикон историков; поиска рационального, иррационального и социокультурного в менталитете; критики дисциплинарных подходов в освещении его структуры и роли в жизни общества и другие. Внутри указанной проблематики, ставшей предметом 134 выявленных диссертационных работ, написанных в течение 1994–2011 гг., множились дефиниции, удалявшие или приближавшие исследователей к интерпретациям, адекватным сложившимся в научном сообществе представлениям об исторической реальности.

Возможность избежать предвзятости историографического анализа предоставляет солидарный (как будет показано ниже) взгляд авторов на менталитет русских как на системообразующее духовное основание российской цивилизации, позволяющий нивелировать издержки в поисках типологии неравноценных по содержанию и убедительности умозаключений, одинаково несущих на себе печать незавершённости в концептуаль-

ков М. Ю. Менталитет: Сущность и особенности функционирования: дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 1994. – 134 с.; Чертихин В. Е. Этнический характер и исторические судьбы России // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 4. – С. 78 - 86; Южалина Н. С. Менталитет как социокультурная целостность: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Челябинск, 2003. – С. 5 - 6 и другие.

ном плане. Он санкционирует право сосредоточиться на вычленении отдельных общепризнанных компонентов внутренней структуры менталитета, на высказанных идеях, которые не противоречили друг другу, но взаимно дополняли и позволяли представить читающей аудитории сущность изучаемого феномена, исключая при этом избыточные смысловые «шумы», которыми обычно насыщено познавательное пространство вокруг ключевого понятия, мешающие разглядеть внутреннюю упорядоченность точек зрения, вначале кажущуюся чрезвычайно размытой.

В трактовке словосочетания «системообразующее основание» согласимся с мнением Ю. П. Сурмина, считавшего, что термин «системообразование» указывает на свойство объединять объекты в систему¹. Нет сомнения в том, что и менталитет имеет право быть понятым как система, т.е. совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и со средой, образующих определённую целостность, единство. Поэтому, подчёркивая роль основания, мы обращаем внимание на его полифункциональность и когерентность, выраженные в согласованной глубинной связи всех уровней и форм психики этнических сообществ российской цивилизации, обуславливающих осознаваемую интеллектуалами её индивидуальность, задающих особую скорость течения и ритмы истории.

Место менталитета в структуре психики

В историографии единичными случаями бытовали сомнения по поводу того, что субстанция менталитета обнаруживает себя в сфере бессознательного, но способы описания его местоположения разделили учёных на три группы.

Первая группа исследователей, преимущественно историки, философы и культурологи, продолжала традицию русских философов XIX в. в изложении сущности менталитета на основе ключевых понятий с трансцендентальными смыслами: ду-

¹ Сурмин Ю. П. Указ. соч. – С. 345, 347.

ша/дух народа, национальный характер, коллективный разум, картина мира, мировосприятие, мироощущение, миропонимание, мирочувствование и другие¹. Как видим, перечисленные синтагмы представляли собой историософские смысловые фигуры, подчёркивавшие роль перцепции в познавательном процессе, или, другими словами, чувственного восприятия индивидом масштабного пространства «мира», слабо сопряжённого с техникой логического описания в однозначно понятых категориях, не конкретизированного в материальной сфере. Так как в авторских интерпретациях они становились самоценными и самодостаточными, между ними не прослеживались родовидовые взаимосвязи, и с точки зрения историка-позитивиста их содержание оставалось неопределённым, с отсутствием чёткого перевода на язык рационального мышления.

Вторая группа авторов, также включавшая представителей перечисленных выше дисциплин, ориентировалась на психологическое понимание менталитета. В основу рассуждений полагались: теория К. Г. Юнга об архетипах, теория Э. Дюркгейма о наследуемых коллективных представлениях, активно привлекались идеи из работ других зарубежных авторов, а также понимание психических процессов, состояний и свойств, изложенное в трудах советских учёных (Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, С. Л. Рубинштейна, Д. Н. Узнадзе и других)². Аргументация предположений о возможном месте

¹ Ашхаматова А. А. Социально-философский анализ менталитета: общее и особенное: автореф. дис. ... д-ра. фил. наук. – Нальчик, 2006. – С. 7 - 10; Григорьева А. А. Русский менталитет: сущность и структура (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2008. – С. 9 - 10; Жаркова Г. В. Духовный склад русского народа как фактор цивилизационный процессов в обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2007. – С. 13; Мурунова А. В. Социокультурные детерминанты русского менталитета: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2005. – С. 18; Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Мировосприятие и мирознание русского общества. – Вып. 3. Российская ментальность: методы и проблемы изучения, сб. статей / Отв. ред. А. А. Горский. – М.: ИРИ РАН, 1999. – С. 27 - 28.

² См.: Воскобойников А. Э. Бессознательное и сознательное в духовном мире человека: дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1997. – С. 10 - 15. Крысько В. Г. Эт-

менталитета в структуре психики выстраивалась с широким привлечением естественно-научных знаний и методик.

Так, С. В. Вальцев и А. А. Еромасова в фокусе психогенетического подхода выделили его в психическом складе нации на первом – генетическом уровне вместе с национальным складом ума и национальным темпераментом, которые, по их мнению, передаются из поколения к поколению в генотипе (терминология авторов). Компонентами следующего – геносоциального уровня, где частично должна присутствовать детерминация психических процессов социальными факторами, являются национальные характер, стереотипы и чувства. Третий – социальный уровень занимают национальные интересы, ценностные ориентации, самосознание, традиции и обычаи¹.

Обращая внимание на известные в историографии аргументированные возражения по поводу научности понятия «национальный характер»², отметим, что указанные авторы представили один из вариантов конкретизации структуры психологии нации как масштабной социальной общности, параметры которой, как и смыслы термина в историографии, и в настоящее время являются предметом неоконченной дискуссии. Тем не менее в этнологии необходимость её выделения связывалась с осознанием новых форм объединения разновозрастных этносов в связи с реалиями индустриального периода истории человечества, возникшими в течение последних двух веков.

Сомнение может вызвать утверждение о том, что этнические общности могут иметь общий менталитет. Убедительнее звучали доводы Л. Н. Гумилёва, А. И. Пальцева и других исследователей, утверждавших, что у каждого этноса модель психо-

ническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – С. 34 - 45.

¹ Вальцев С. В. Структура, содержание и особенности национального менталитета. – М.: Изд-во МГОУ, 2005. – С. 9 - 11, 24 - 26; Еромасова А. А. Философия и психология: российская ментальность: учебное пособие. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. – С. 26 - 29.

² Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – С. 370.

логической адаптации к социоприродной среде формировалась в начальной фазе этногенеза и в течение всего жизненного пути была неповторимой¹.

Эта мысль оказалась созвучной позиции третьей группы авторов, которые рассматривали менталитет как наиболее константную, глубинную часть психики², наполненную архетипами³. Подход к определению места менталитета в структуре пси-

¹ Горбунова М. Г. Диалектика язычества и православия в структуре русского менталитета: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2001. – С. 22; Пальцев А. И. Менталитет и ценностные ориентации этнических общностей. (На примере субэтнуса сибиряков): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 1998. – С. 23; Шерстова Л. И. Ментальность и этногенез: методологические подходы // Вестник Томского государственного университета. – Серия История. – 2009. – № 2. – С. 30 - 32.

² См.: Вьюнов Ю. А. Русский культурный архетип. Страноведение России: учебное пособие. – М.: Наука: Флинта, 2005. – 480 с.; Захаров В. К. О некоторых архетипах российской цивилизации // Общество. Государство. Политика. – 2008. – № 1. – С. 117 - 132; Зеленовский Н. А. О проблеме архетипа русского национального характера // Декада науки. Материалы 57-й научной конференции Саратовского государственного технического университета. Гуманитарный учебно-научный центр (12–19 апреля 1994 г.). – Саратов, 1994. – Вып. 1. – С. 26 - 29; Катаев М. В. Бессознательное и менталитет: сущность, структура и взаимодействие: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Пермь, 1999. – 20 с.; Пивнева Н. С. Архетипические образы в русской культуре: дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 117 с.

³ К. Г. Юнг трактовал архетипы как предустановленные способности, наследуемые базовые формы, которые активизируются в жизненных ситуациях, соответствующих данному архетипу, воспринимаются через образы, мотивы, идеи, символы, выражающие наиболее фундаментальные взаимоотношения и цели конкретного общества, определяющие направленность человеческой активности (Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Киев: Post-Royal, 1996. – С. 215). Французский социолог П. Бурдьё то, что Юнг называл архетипами, именовал близким по смыслу понятием габитус – «глубоко укорененные бессознательные диспозиции, приобретенные личностью как продукт характерологических условий существования, то есть экономической и социальной необходимости и семейных связей или, точнее, чисто семейных проявлений этой внешней необходимости». (Цит. по: Николаева И. Ю. Указ. соч. 2010. – С. 47), а российский этнолог – С. В. Лурье, философы О. В. Колесова и Е. Я. Трашис – этническими константами (Лурье С. В. Историческая этнология. – 1-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 217 - 227); Колесова О. В. Проблема ментальности в контексте современной культуры (организмический и организационный подходы) // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 183; Трашис Е. Я. Ментальность челове-

хики, учитывавший характеристики и область функционирования её уровней – бессознательного и осознанного, содержал меньше спорных моментов, чем ранее рассмотренные концепции. О границах их функционирования лаконично высказался А. Э. Воскобойников, утверждавший, что «бессознательное нацелено на обеспечение сохранения психического, а сознание – на изменение разнообразных свойств и процессов, характеризующих жизнь человека на психическом и социокультурном уровнях»¹.

Если руководствоваться современными знаниями общей психологии, то ясно, что сферу бессознательного составляют: врождённое глубинное бессознательное (психическое содержание инстинктов, рефлексов, архетипы) и прижизненно сформированное подсознание (навыки, стереотипы, привычки, интуиция, неосознаваемые ощущения, восприятия и представления)². Отдельно выделяется область предсознания – зона постепенного взаимного перехода подсознательного и осознаваемого³. Представители указанного подхода использовали понятия, однозначно определённые в предметных областях общей, социальной психологии и психологии личности⁴. Поэтому, принимая во внимание описанные там схемы психики⁵, есть

ка: подходы к концепции и постановка задач исследования. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – С. 32 - 33.

¹ Воскобойников А. Э. Указ. соч. – С. 141 - 142.

² Еникеев М. И. Общая и социальная психология. Учебник для вузов. – М.: Издательская группа «НОРМА–ИНФРА», 1999. – С. 23 - 25.

³ Согласно Л. Н. Гумилёву бессознательное дополняется свойством пассионарности, определённой в качестве «избытка биохимической энергии живого вещества, обратного вектору инстинкта и определяющего способность к сверхнапряжению ...порождающий жертвенность часто ради иллюзорной цели» (Гумилёв Л. Н. Указ. соч. – С. 544).

⁴ См.: Андреева Г. М. Социальная психология. – Третье издание. – М.: Наука, 1994. – 369 с.; Кукоба О. А. Природа и структура этнического менталитета // Философия и общество. – 2004. – № 4. – С. 96; Психология. Учебник для гуманитарных вузов / Под общ. ред. В. Н. Дружинина. – СПб.: Питер, 2001. – 656 с.; Щедровицкий Г. П. Процессы и структуры в мышлении. Курс лекций. – М.: «Путь», 2003. – 320 с. и другие.

⁵ См.: Гамезо М. В., Домашенко И. А. Атлас по психологии: Информ. метод, пособие курсу «Психология человека». – М.: Педагогическое общество Рос-

резон указать на предметное соотношение терминов, чтобы избежать повторения путаницы в понятийном аппарате, наблюдавшейся в практике определения менталитета с помощью процессов, состояний и свойств психики (см. таблицу 3).

Как следует из таблицы 3, менталитет локализуется на уровне врождённого бессознательного, и это состояние исключает возможность скоротечных его «некоторых изменений», о которых писал Б. П. Шулындин и другие авторы, предполагая такую меру в одном из опубликованных проектов выхода России из затяжного кризиса 1990-х гг.¹ Представители социогуманитарных дисциплин признавали очевидность этой скрытой от непосредственного наблюдения психической реальности².

— Так, К. К. Васильева, А. М. Руткевич, Н. Э. Седаков, Ф. Р. Филатов, Б. В. Устьянцев и другие, подчёркивая фундаментальный характер описанных К. Г. Юнгом архетипов, выделяли ряд принципиальных суждений, объяснявших общие свойства их природы, а именно:

— регулярность и многовековая повторяемость основных условий психического бытия людей приводит не к наследованию индивидуального опыта, а скорее к закреплению на психо-

сии, 2004. – 276 с.; Крысько В. Г. Психология и педагогика в схемах и таблицах. – Мн.: Харвест, 1999. – С. 5 - 218; Первушина О. Н. Общая психология: Методические указания. – Новосибирск: Научно-учебный центр психологии НГУ, 1996. – 89 с.; Юлаев Д. Ф. Бессознательное и картина мира: сущность, структура и взаимодействие: дис. ... канд. филос. наук. – Пермь, 2005. – С. 62 - 63.

¹ Шулындин Б. П. Российский менталитет в сценариях перемен // Социологические исследования. – 1999. – № 12. – С. 53; Пудов А. Г. Кризис технической цивилизации и его влияние на менталитет (теоретико-методологический аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Якутск, 2001. – 18 с.

² См.: Вуколова Т. С. Национальная экономическая ментальность в эпоху рыночных реформ // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2004. – Т. 2. – № 1. – С. 72 - 84; Гирько А. А. Влияние российского менталитета на правовое сознание граждан в современных условиях: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2006. – 19 с.; Новозженко К. А. Российский экономический менталитет (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 21 с.

генетическом уровне определённых форм его организации, которые проявляются в виде архетипических образов, мотивов;

Таблица 3.

Предметное соотношение терминов, используемых для описания структуры психики

Уровни психики		Психические процессы, состояния и свойства	
Осознанный		1. Регуляторные процессы: внимание воля	2. Интегративные процессы: речь память
		3. Свойства личности: темперамент направленность характер способности	
		4. Познавательные процессы¹:	
		4.1. ценностные: интеллектуальные этические нравственные эстетические	4.2. логические: мышления воображение
		4.3. эмоционально-интуитивные: чувства эмоции настроения эффект фрустрация стресс	4.4. перцептивные: ощущение восприятие представление
Предсознание		зона взаимного перехода подсознательного и осознаваемого	
Бессознательное	Прижизненно-сформированное подсознание	Индивидуальное: установки, защитные механизмы, ценности коллективное: неосознаваемые стереотипы восприятия, мышления, поведения (<i>компоненты менталитета</i>)	
	Врождённое бессознательное (<i>компоненты менталитета</i>)	архетипы: антропоморфные, трансформации (образы, идеи, мотивы, модели поведения)	
		психическое содержание инстинктов ²	

¹ В социальной психологии ключевыми понятиями в осмыслении ценностных познавательных процессов являются: ценность и ценностная ориентация. Ценностные ориентации рассматриваются в качестве важного компонента групповой идеологии или мировоззрения личности, выражающего предпочтения в отношении определённых ценностей – обобщённых представлений о благах и способах их получения, предопределяющих цели и средства деятельности (Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Указ. соч. – С. 545). Следует признать, что не всегда, ценности, ценностные ориентации, воображение и ощущения являются осознанными, т.к. в отдельных случаях они функционируют в качестве элемента пограничной между осознаваемым и бессознательным зоны – области неосознаваемых установок. К той же области относятся и психофизиологические автоматизмы личности, обуславливающие её свойства (подробнее о неосознаваемых установках смотри в главе 3, п. 3.3.).

² Согласно П. В. Симонову, инстинкты подразделяются на витальные (пищевой, питьевой, оборонительный, регуляции сна, экономии сил), ролевые (половой, родительский, «сопереживания», территориальный, иерархический) и саморазвития (исследовательский, имитационный, игровой, преодоления сопротивления, свободы). (Симонов П. В. Мотивированный мозг. – М.: Наука, 1987. – С. 20 - 42).

– архетипы обуславливают содержание всех направлений социализации людей, в том числе всех элементов их социокультурного опыта, являются продуктом исторически подавленных переживаний, поэтому несут в себе потенциал как созидательной, так и деструктивной психической энергии;

– структурными компонентами личного бессознательного являются комплексы и установки, но принципы их структурирования заложены в архетипах¹.

Наряду с этим исследователи в целях расширения представлений об архетипах часто использовали другие лексические обороты, называя их: «порождающими системами», «первичными сюжетными схемами» и другими метафоричными выражениями, сравнивая с «инструментами» и «алгоритмами»². Предпринятый Е. Ю. Зарубко частотный анализ 54 определений показал разнообразие умозрительных схем. Сама автор увлеклась унификацией встреченных смыслов, и поэтому заявленная дефиниция «это имплицитная модель взаимодействия между универсальными фигурами»³, оказалась чрезмер-

¹ Васильева К. К. Менталитет: онто-этнологическое измерение: (На примере бурятского этноса). – М.: Русский мир, 2002. – С. 26 - 33; Руткевич А. М. Архетип // Культурология. XX век. Энциклопедия / Главный редактор и составитель С. Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, ООО «Алетейя», 1998. – Т. 2. – С. 36 - 37; Седаков Н. Э. Архетипы бытия и символы культуры: Карл Густав Юнг и Мирча Элиаде: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2004. – С. 20 - 87; Филатов Ф. Р. Введение в аналитическую психологию Карла Густава Юнга. Понятие коллективного бессознательного. Лекция. [Электронный ресурс] – URL: http://psydon.ru/viewpage.php?page_id=5 (дата обращения 15.04.2011); Устьянцев В. Б. Указ. соч. – С. 98; Фишбейн Н. В. Философско-культурологические и религиоведческие концепты теории К. Г. Юнга: дис. ... канд. филос. наук. – Белгород, 2002. – С. 9 - 13.

² Пятков Н. А. Архетип в его отношении к архаическому мировосприятию и мифомышлению, как онтологическая проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2011. – С. 37.

³ Зарубко Е. Ю. Роль архетипов в российском менталитете [Электронный ресурс] // Россия и современный мир: Тенденции развития и перспективы сотрудничества. ИНИОН РАН. – URL: <http://www.rim.inion.ru/ras/view/publication/general.html?id=100010251> (дата обращения 20.05.2011).

но абстрактной и с оригинальной интерпретацией использованных терминов.

В своё время в результате многолетних клинических наблюдений за своими пациентами-больными и глубокого изучения истории и культуры народов К. Г. Юнг собрал факты, свидетельствовавшие об обусловленности известных мифологических образов и исторических событий архетипическими формами, среди которых шесть были названы основными, а именно: Тень, Мудрый старец, Младенец (с аналогом – Герой-младенец), Мать («Предвечная Мать» и «Мать-Земля»), её двойник Дева и, наконец, Анима у мужчин и Анимус у женщин¹. Описанная область бессознательного явилась предметом новой научной дисциплины – аналитической психологии, которая в наиболее систематизированном виде в постсоветской России была изложена В. В. Зеленским², популяризовавшим и развивавшим идеи К. Г. Юнга.

В рассматриваемый период работы, посвящённые поиску выражений бессознательного в живой ткани исторических эпох, были редкими, но востребованными среди учёных, интересующихся исторической психологией, расширявших познавательное пространство с помощью психологического инструментария и демонстрировавших его возможности находить новизну там, где другие подходы уже исчерпали свой потенциал. Специалистам по истории России и её цивилизации, да и не только им, занятым выявлением всего комплекса причинно-следственных связей в динамике установленных социальных процессов и явлений, полезным подспорьем могли служить следующие ключевые положения из аналитической психологии:

– архетипы узнаваемы во внешних поведенческих проявлениях, особенно связанных с основными и универсальными жизненными ситуациями – рождением, браком, материнством,

¹ Юнг К. Г. Указ. соч. – С. 178.

² См.: Зеленский В. В. Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский бривитарий. – М.: «Когито-Центр», 2004. – 256 с.

смертью, разводом, важной утратой или неожиданным обретением чего-либо;

– теоретически возможно любое число архетипов. Было введено понятие их нуминозности – «фундаментального свойства подчинять себе (захватывать) индивидуальное сознание и оказывать определяющее влияние на психологическую судьбу индивида»¹.

По поводу смыслового выражения указанных форм в аналитической психологии не было принципиальных разногласий. Так, согласно общепринятой типологии, *ряд архетипов существуют в антропоморфных формах*, канализирующих психическую энергию в сознание. К ним были отнесены следующие:

Старый мудрец – во всех своих многочисленных видах, формах и проявлениях обозначает воплощение знания или мудрости;

Младенец (Герой) – предполагает возможное будущее и разнообразные (включая и противоположные) выражения младенческих аспектов в коллективном бессознательном;

Мать («Предвечная Мать» и «Мать-Земля») – обеспечивает сохранение психологического единства человека с Матерью как символом истоков жизни, во всем богатстве взаимодействий, как питаться и насыщаться Матерью и одновременно поддерживать свою автономию и независимость.

Анима и *Анимус* выражают женское начало в бессознательном мужчины и мужское начало в бессознательном женщины. Юнг считал, что пока наша Анима или Анимус неосознанны, не приняты как часть нашей Самости, мы будем стремиться проецировать их на людей противоположного пола.

Трикстер (Плут) – это фигура, воплощающая в себе физические страсти и желания, не подвластные разуму. Поведение Трикстера определяют бессознательные порывы.

Другую группу форм бессознательного К. Г. Юнг назвал *архетипами трансформации*, то есть это типичные ситуации,

¹ Филатов Ф. Р. Указ. соч.; Зеленский В. В. Указ. соч. – С. 101.

места, пути и средства, которые символизируют вид преобразования. Тезисно выделим наиболее изученные.

Персона является внешним проявлением того, что люди предъявляют миру. Это характер, мотив поведения, который считается приемлемым и через него получается оптимальное взаимодействие с другими.

Самость – это архетип целостности и порядка.

Тень – комплекс, под которым подразумеваются подавленные, вытесненные или отчужденные свойства сознательной части личности. Содержание Тени включает те тенденции, желания, воспоминания и опыты, которые отсекаются человеком как несовместимые с Персоной и противоречащие социальным стандартам и идеалам.

Эго – комплекс представлений и идей, связанных с телесным самоощущением и образующих центр поля сознания. Эго обеспечивает чувство постоянства и направления сознательной жизни¹.

Приведённые умозаключения психологов отличались своей обоснованностью многочисленными экспериментами, проведёнными в клинических условиях, и могли быть приняты в качестве доказательства местоположения менталитета в структурах психики, где находились, по их мнению, истоки регуляции и связанные с ними исторически обусловленные границы возможного в поведении различных социальных групп и отдельных индивидуумов.

Иной взгляд на структуру менталитета имели исследователи, работавшие в рамках феноменологического направления, которые сосредоточились на всестороннем изучении отдельно взятых его проявлений в том виде, в каком позволял увидеть специалисту сформировавшийся в рамках усвоенных предметных знаний научный кругозор и имеющийся в распоряжении

¹ Там же. – С. 105 - 147; Безруких А. В., Пилявина О. М. Архетипы в психотерапии. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.jungland.ru/node/1115> (дата обращения 12.05.2011); Воробьёва Е. Ю. Бинарность и её архетипические основания: дис. ... канд. филос. наук. – Омск, 2005. – С. 56 - 57.

корпус источников. Отметим, что сторонники указанного направления досконально не останавливались на теме влияния бессознательного на поведенческие стратегии. В центре внимания находился статичный рисунок характерологических особенностей представителей различных этносов¹.

В данном контексте на рубеже XX–XXI вв. развивалась традиция русских историков в изучении влияния факторов природного и социального характера на формирование ментальностей населения, заложенная ещё В. О. Ключевским, Л. И. Мечниковым² и другими мыслителями XIX в. Задачи современных исследований ориентировались на подтверждение и объяснение истоков исторически приобретённых населением долговременных навыков в труде и общежитии. В технологиях их всестороннего изучения использовался широкий спектр методик выстраивания определённого набора иллюстрирующих примеров и суждений. Теоретической основой выступали концептуальные положения, изложенные в трудах Л. Н. Гумилёва, Л. В. Милова, Э. С. Кульпина, Ю. В. Олейникова³, обосновавших зависимость черт характера и социальных отношений от длительности проживания их носителей в условиях специ-

¹ См.: Андреев А. П., Селиванов А. И. Русская традиция. – М.: Алгоритм, 2004. – 320 с.; Марцева Л. М. Указ. соч.; Советов Ф. П. Интегративный потенциал русского менталитета: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 35 с.; Трофимов В. К. Душа русской цивилизации. – Ижевск: Из-во ИжГТУ, 1998. – 152 с.; Яковенко И. Г. Эсхатологическая компонента российской ментальности (связи, обусловленности, логика актуализации). – С. 87–95 и другие.

² См.: Мечников Л. И. Цивилизации и великие исторические реки. – М., 1995. – 464 с.; Шкуропат С. Г. Географический фактор в культурологических концепциях конца XIX–начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. культурологии. – СПб., 2004. – С. 9–21.

³ См.: Гумилёв Л. Н. Указ. соч. – С. 177–227; Кульпин Э. С. Истоки ментальности // Кульпин Э. С., Клименко В. В., Пантин В. И., Смирнов Н. М. Эволюция российской ментальности. – М.: ИАЦ Энергия, 2005. – С. 7–86; Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 76–87; Олейников Ю. В. Природный фактор ментальности россиян // Природа и культура. Серия «Социоестественная история». Под ред. Кульпина Э. С. – Вып. XX. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – С. 186–201 и другие.

фичной ресурсной базы биосферы конкретного региона, от хозяйственной специализации территории и влияния религии, от энергетики идейных течений и других факторов, которые являлись питательной средой для свойств традиционного общества, но одновременно порождали и обновленческие тенденции, приводившие к его трансформации.

В разделах, посвящённых истокам этнических менталитетов, развивалось историко-антропологическое направление исследований, синтезировавшее:

– деятельностный подход к выделению традиционных компонентов материальной и духовной культуры с акцентами на исторические условия их существования;

– аксиологический подход с определением системы ценностей, характеризующих социокультурные феномены изучаемого сообщества¹.

Таким образом, сторонники феноменологического направления отмечали проявления менталитета в представляемой исторической реальности, атрибутивно относящиеся к категории следствия, поэтому его место в смысловом пространстве определялось безотносительно к уровням психики и в виде не ранжированных между собой ценностей, конкретизирующих историко-культурную специфику той или иной сферы деятельности. Впрочем, это не умаляло бесспорного достоинства изысканий авторов – обоснование наличия в крупных полиэтничес-

¹ См.: Вельм И. М. Этнический менталитет: истоки, сущность: (На примере удмуртского этноса): автореф. дис. ... д-ра культурологии. – М., 2004. – 36 с.; Дашковский П. К. К вопросу о соотношении категорий «менталитет» и «ментальность»: историко-философский аспект // Философские дескрипты. – Барнаул: АГУ, 2002. – Вып. 2. – С. 36 - 44; Лесная Л. В. Менталитет и ментальные основания общественной жизни // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 1. – С. 133 - 146; Мельницкая С. А. Менталитет социокультурных общностей Забайкалья. (на примере Читинской области): дис. ... канд. филос. наук. – Чита, 2006. – 198 с.; Трофимов В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2001. – 43 с.; Цигвинцева Г. Л. Особенности формирования и функционирования менталитета русского народа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Пермь, 2005. – 26 с. и другие.

ских сообществах исторически сформировавшейся полиментальной среды. В свете сказанного бывшая в употреблении метафора «русский менталитет» условно подчёркивала лишь консолидирующую роль русских в пространстве российской цивилизации, заполненном множеством этносов и соответствующими им этническими менталитетами¹.

Нетрудно увидеть, что поиск и обоснование изначальной природы менталитета осуществлялись с позиций различных, информативно взаимодополняющих концептуальных и дисциплинарных измерений в рамках социогуманитарных и естественных наук с общим использованием истории как типа когнитивной исследовательской деятельности. Тем не менее наиболее убедительную теоретическую оснастку и подтверждение клинической практикой получила точка зрения о его принадлежности к бессознательному уровню психики, выступающему в качестве глубинной субстанции социального.

Историко-сравнительный подход к определению соотношения между менталитетом и ментальностями

В процессе постепенного усвоения логики исторических и текущих социальных процессов, характеризующихся в том числе и проявлениями бессознательного, возникла потребность в их систематизации путём разграничения смыслов между активно используемыми историками родственными понятиями «менталитет» и «ментальность». Данная проблема, явившаяся предметом продолжения дискуссии², ранее начатой в зарубежной историографии, приобрела принципиальное значение, так как каждый автор в зависимости от способа её решения фор-

¹ Семёнов В. Е. Российская полиментальность и будущее страны // Психология и экономика. – 2009. – № 1 (июль). – С. 133 - 143; Фирсов Б. М. Ментальные миры современного российского населения // Телескоп. – 2003. – № 4. – С. 4 - 9.

² См.: Пушкарёв Л. Н. Понятие «менталитет» в современной зарубежной историографии // Мировосприятие и мирознание русского общества. – Вып. 3. Российская ментальность: методы и проблемы изучения, сб. статей / Отв. ред. А. А. Горский. – М.: ИРИ РАН, 1999. – С. 78 - 93.

мировал соответствующий набор категорий и логических связей для описания и обоснования представляемой модели менталитета (ментальности). Сопоставление позиций по этому вопросу явилось одной из центральных тем для многих работ, в том числе историографического плана¹.

Одним из первых историко-антропологическое понимание ментальности изложил А. Я. Гуревич, развивавший традиции французской школы «Анналов». К ментальности были отнесены «социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности (...) по большей части они не осознаются самими людьми (...) выражают не столько индивидуальные установки личности, сколько вне личную сторону общественного сознания»². Сопоставление схемы процитированного суждения с терминологическим аппаратом психологии (см. таблицу 3) указывало на её функциональное совпадение с областью прижизненно сформированного коллективного подсознания, то есть с уровнем, предшествующим индивидуальному подсознанию и опирающимся на архетипы менталитета. С помощью конкретно-исторических методов автор в своих работах обозначил границы присутствия неосознаваемых психических процессов и состояний, свойственные более динамичным, чем архетипы, ментальностям социальных страт, при этом не допуская путаницы с компонентами сферы осознанного.

Среди исследователей всё больше сторонников приобретали веские аргументы о научности таких словосочетаний, как:

¹ См.: Андреева Е. А. О понятии ментальности/менталитета в современной России. [Электронный ресурс] – URL: <http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/andreeva1.htm> (дата обращения 16.05.2011); Воробьёва М. В. Понятие менталитета в культурологических исследованиях // Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 55. Гуманитарные науки. – Вып. 15. – С. 6 - 15 и другие.

² Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. . Сборник статей / Гл. ред. А. О. Чубарьян. – Вып. 1. – М.: ИВИ РАН, 1989. – С. 75.

этнический менталитет – понятие, не предполагающее иных синтаксических заменителей, и ментальности устойчивых во времени больших социальных групп (территориальных или профессиональных), как, например, сибирская, городская, крестьянская ментальности, ментальность дворянства и т.д. Формировалось понимание того, что индивид как член одновременно нескольких таких сообществ может являться носителем нескольких ментальностей.

Вместе с тем некоторые авторы произвольно расширяли этот перечень, утверждая о существовании ментальностей, одноимённых актуальным социальным нормам и ценностям. Так, появились социологические (по методике) исследования о правовой, экологической, экономической ментальностях¹, в которых речь шла о выражаемых респондентами предпочтениях к тем или иным способам мышления и поведения, то есть отнюдь не о той вне личной стороне общественного сознания, которая, согласно А. Я. Гуревичу, и должна составлять ментальность.

Принципиальная схема Арона Яковлевича по разделению понятий имела последователей, которые в своих интерпретациях уточняли её отдельные аспекты². Например, предлагалось

¹ См.: Довлекаева О. В. Правовой менталитет: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 22 с.; Латов Ю. В., Латова Н. В. Экономическая ментальность россиян на мировом фоне // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 4. – С. 31 - 43; Меняйло Д. В. Правовой менталитет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2003. – 23 с.; Новозженко К. А. Российский экономический менталитет (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 21 с.; Овчиев Р. М. Правовая культура и российский правовой менталитет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006. – 25 с.; Шатковская Т. В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. – Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2000. – 223 с.; Шумейко А. А. Становление экологического менталитета у школьников Дальнего Востока России: теоретико-методологические и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра педагог. наук. – Брянск, 2000. – 45 с.; Ясюкова Л. А. Правовое сознание в структуре ментальности россиян. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 166 с.

² Козловский В. В. Понятие ментальности в социологической перспективе // *Социология и социальная антропология*. Межвузовский сборник / Под ред. В. Д. Виноградова и В. В. Козловского. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 42;

логическую связь между менталитетом и ментальностью рассматривать в рамках диалектики общего и особенного¹, а их неравнозначность, по мнению Л. Н. Пушкарёва, дополнительно подчёркивалась семантической нагрузкой суффикса «-ность», обозначающего «признак, отвлечённый от предмета, а также качество либо состояние»². Близким случаем можно считать позицию О. В. Плебанек, которая соотнесла ментальность и менталитет как явление (в виде способности и склонности человека мыслить и действовать согласно коллективным представлениям) и его конкретное выражение (в виде особенности (способа) коллективного мышления и деятельности конкретного исторического общества)³.

Впрочем, указанные точки зрения имели своих оппонентов. Ряд психологов и философов (С. В. Гринёва, А. А. Еромасова, М. В. Лутцев, Д. В. Полежаев, Т. В. Семёнова, Е. Я. Таршис, Э. А. Шарипова и другие) утверждали о сугубо личностной природе ментальности на том основании, что индивидуум – это последнее и, следовательно, основное звено в ряду субъектов – её носителей. Тем не менее доказательная часть подобных утверждений конкретизировалась понятиями, относящимися и к уровню подсознания: коллективному (стереотипы) и индивидуальному (установки) и к уровню осознанного (мышление, чувственно-эмоциональные реакции и другие)⁴. Указанный

Прокаева О. Н. Духовно-ценностный смысл менталитета: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саранск, 2004. – С. 10 - 11.

¹ Молотков М. Б. Российский менталитет как фактор исторического выбора России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Иркутск. 2007. – С. 8 - 9.

² Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет? Исторические заметки. – С. 159.

³ Плебанек О. В. Ментальность как научная категория // Ментальность этнических культур. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 9-10 июня 2005 г. / Отв. ред. И. Ф. Кефели. – СПб.: Балт. гос. тех. ун-т, 2005. – С. 13, 15.

⁴ Гринёва С. В. Ценностные основания менталитета в трансформирующемся российском обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2002. – С. 10; Еромасова А. А. Ментальность русского человека как феномен национальной культуры (философско-антропологический анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2007. – С. 13–15; Лутцев М. В. Менталитет и ментальность как феномены бытия личности, общества и Воору-

подход частично подправил Ц. Ц. Чойпоров, увидевший в менталитете коллективное бессознательное, а в ментальности – только индивидуальное бессознательное¹.

Из сказанного следует, что принцип идентификации ментальности на основании обобщённых свойств конечного субъекта-носителя оказался недоработанным для недвусмысленного определения её границ. В описании допускались комбинации из компонентов бессознательного и осознанного, в итоге размывавшие координаты указанного феномена в общей структуре психики, не нуждающейся в переопределениях.

Противоположные позиции занимала третья группа исследователей, в различных интерпретациях утверждавших о первичности ментальности, а именно:

– это упрощённая форма или первая ступень (характерная для племени и народности) формирования менталитета. Вторая ступень – это менталитет, сформированный уже в рамках нации (С. В. Вальцев, Ф. П. Советов)²;

– рассматривалась как исходный пласт коллективного сознания, а менталитет – как сформированная на этой основе со-

женных Сил. (Социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М, 2005. – С. 8; Полежаев Д. В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – С. 26; Полякова Т. А. Менталитет личности как социально-культурологический феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Тамбов, 2005. – 21 с.; Семёнова Т. В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Казань, 2007. – С. 15; Таршис Е. Я. Указ. соч. – С. 22; Шарипова Э. А. Менталитет личности: Философско-этический анализ: дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 1999. – С. 41; Шатохина В. А. Онтологический статус ментальности человека: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Иваново, 2010. – 22 с.

¹ Чойпоров Ц. Ц. Ментальность: категориальные разделения и основные подходы // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. Сб. статей / Под ред. А. Л. Бороноева. – СПб.: Астерион, 2007. – С. 45.

² Вальцев С. В. Указ. соч. – С. 18; Советов Ф. П. Указ. соч. – С. 21.

вокупность коллективных предпочтений, поведенческих ориентаций (Г. В. Митина, А. В. Мурунова)¹;

– менталитет – это социально-структурированная ментальность, а последняя отражает индивидуально(социально)-психологическую специфику и духовное состояние субъекта (личности, социальной группы) (П. К. Дашковский, Т. Г. Пашковская, А. А. Тишкин)².

Прослеживая логическую цепочку каждого из приведённых выше суждений по направлению к исходной точке нетрудно увидеть, что во всех трёх случаях её представляла умозрительная оригинальная идея автора, которая, впрочем, не являлась универсальной, то есть поглощающей или доказательно отвергающей иные подходы.

Некоторые исследователи (К. К. Васильева, И. Г. Дубов, С. В. Лурье, З. В. Сикевич и другие) указанные ключевые понятия употребляли как синонимы и различий не устанавливали, считая, что их сущностные черты дополняют друг друга³. Данный подход был характерен и для работ историков⁴, которые,

¹ Митина Г. В. Особенности изменения менталитета в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2005. – С. 10; Мурунова А. В. Указ. соч. – С. 21.

² Пашковская Т. Г. Роль менталитета в научном познании: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Магнитогорск, 2006. – С. 14; Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 125.

³ См.: Дубов И. Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 20; Лагунов А. А. Современный российский менталитет: социально-философский анализ: автореф. ... дис. канд. филос. наук. – Ставрополь, 2000. – 23 с.; Мельницкая С. А. Указ. соч. – С. 28.

⁴ См.: Бабашкин В. В. Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. – 1995. – № 3. – С. 99 - 110; Дунаева Н. А. Крестьянский менталитет и проблемы собственности на землю // Собственность в представлении сельского населения России (середина 19–20 вв.): регионально-исторический аспект. / Под ред. Д. С. Точеного. – Ульяновск: Ульяновск. гос. ун-т, 2001. – С. 100 - 122; Кожевин В. Л. Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения // Вестник Омского государственного университета. – 1999. – № 3. – С. 78 - 84; Кульгускина Л. В. Указ. соч.; Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян

несмотря на доминировавшую позитивистскую традицию, рассматривали ментальность как один из способов осмысления событий прошлого. При этом исследователи использовали привычный для себя понятийный аппарат, стараясь обходиться без заимствований терминов смежных областей знаний, специализировавшихся на ментальной проблематике. В бессознательном они видели непосредственно нефиксируемые иррациональные моменты, рациональному мышлению интуитивно противопоставляли эмоциональные переживания по причине их кажущейся беспорядочности и непредсказуемости, ускользавшие от логического объяснения.

На ограниченность подобных контуров мышления обратил внимание А. Э. Воскобойников, возражавший на том основании, что эмоции проявляются по жёстко определённым причинам и управляемый ими человек в большей мере подчинён не зависящим от него факторам, чем человек, руководствующийся действительно порой непредсказуемыми, но зато сознательными и свободно избранными намерениями. Ссылаясь на мнения Л. Уайта и Я. Рейковского, он также считал ошибочным «видеть в бессознательных процессах только иррациональные моменты (в смысле их противоположности или антагонизма рациональному анализу и поведению) просто потому, что мы не поняли ещё организации и действия разума»¹.

Многоплановое расположение рационального и иррационального в областях духовной сферы обусловило изучение про-

ян и солдат России в период первой мировой войны (1914– март 1918 г.). – Екатеринбург: УрО РАН, 2000. – 415 с.; Пундани В. В. Историческая психология урало-сибирского социума. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 144 с.; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI–начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005. – С. 158 - 190; Садков С. М. Менталитет российской деловой элиты в конце XIX - начале XX вв. – М. [б. и.], 2001. – 116 с.; Сухова О. А. Некоторые итоги изучения истории менталитета в современном российском крестьянстве // Известия Пензенского ГПУ им. В. Г. Белинского. – 2007. – № 4. Гуманитарные науки. – С. 136 - 140; Титов В. Ю. Указ. соч.

¹ Воскобойников А. Э. Указ. соч. – С. 171 - 174.

блематики менталитета и ментальностей в рамках гибридных дисциплин. Некоторые из них в начале 1990-х гг. находились на стадии первоначальной концептуализации и формирования проблемного поля, заполняя собой отдельные разделы в культурологии, психологии, социальной философии и истории. Со второй половины 1990-х гг. в историографическом пространстве появились соответствующие труды по большому перечню новых отраслей наук: психологии (культурной, этнической, исторической)¹, антропологии (исторической, человека, психологической, когнитивной, социальной), истории (гендерной, повседневности, микроистории, ментальностей)², непосредственно своей предметной частью связанных с ментальной тематикой.

Можно сделать вывод, что вместе с практикой разграничения родственных понятий «менталитет» и «ментальность» возникли предпосылки для систематизации наработанного аналитического инструментария и одновременно продолжился поиск междисциплинарных средств выражения механизмов социально-психологической адаптации этнических сообществ к внешним и внутренним условиям среды обитания. Очевидным достоинством размежевания был переход к более строгому научному подходу к рассматриваемой области знаний. Вместе с этим разногласия между авторскими позициями в данном во-

¹ См.: Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 768 с.; Барская А. Д. Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1998. – 207 с.; Белкин А. И. Указ. соч.; Белявский И. Г. Историческая психология. – Одесса, 1991. – 252 с.; Боброва Е. Ю. Основы исторической психологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 236 с.; Крысько В. Г. Этническая психология; Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН «Академический проект», 1999. – 320 с.; Шкуратов В. А. Историческая психология. Учебное пособие. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.

² Кром М. М. История России в антропологической перспективе: история ментальностей, историческая антропология, микроистория, история повседневности // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / Под ред. Г. А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2003. – С. 179 - 202.

просе и взаимоисключающие мнения нередко вели к путанице и некорректному употреблению ключевой терминологии.

О соотношении понятий «менталитет» и «культура»

На фоне распространения практики моделирования теоретической базы и других исследовательских процедур проблемой эпистемологического характера стало преодоление узкодисциплинарных предпочтений авторов, нередко замыкавших изучение менталитета в привычных аналитических схемах. Так, сторонники культурологического направления, в свою очередь предлагавшие многочисленные интерпретации так и не устоявшегося понятия культуры¹, переопределяли место менталитета в координатах различных её толкований, пересыщая познавательное пространство чрезмерно упрощёнными дефинициями.

Данное суждение не будет голословным, если сопоставить ряд подобных умозаключений с одной из формулировок культуры, не вызывавшей в научном сообществе принципиальных возражений, взятой нами для примера из работ авторитетного специалиста по философской антропологии и философии культуры П. С. Гуревича. Автор после историографического анализа и обобщения многочисленных интерпретаций, определил культуру в широком смысле «как исторически определённый уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах организации жизни и деятельности людей»². В разрезе сказанного в ряде суждений о природе менталитета выводились искусственные или нечёткие его границы, которые представлялась следующим образом:

¹ Ерасов Б. С. Социальная культурология: учебник для студентов высших учебных заведений. – Издание третье, доп. и перераб. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 16 - 24.

² Гуревич П. С. Философия культуры. Учебник для высшей школы. – М.: Издательский дом NOTA BENE, 2001. – С. 25.

– в специфике психологической жизни людей конкретной культуры (Н. В. Мельникова)¹;
– стилем культуры (А. Н. Петров)²;
– собственно культурой (О. А. Ветрова, О. М. Казакова)³;
– заявляя о существовании культурного менталитета предпринимателя, Н. И. Толмачёв исключительное внимание сосредоточил на осознаваемых целях и ценностях субъекта, на характеристиках состояния его свободы, ответственности и правилах корпоративной этики⁴.

В этой связи в научной литературе нередко звучали предостережения о неполном совпадении проблематик культуры и менталитета как разнопорядковых феноменов, и недопустимости подмены одного другим. На это, в частности, указывал Э. С. Кульпин, на примере истории послепетровской России констатировавший факт разделения общества не по социальному, конфессиональному или этническому признаку, но по тяготению к двум разным субкультурам: европеизированной дворянской и традиционной для остального населения страны⁵, одинаково отзывчивым к этническому менталитету.

Подводя итоги анализу состояния проблемного поля менталитета, следует отметить, что его потенциал как области формирования историко-психологического ресурса исторического познания о российской цивилизации складывался в ре-

¹ Мельникова Н. В. Менталитет населения закрытых городов Урала (вторая половина 1940-х–1960-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 32.

² Петров А. Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. – Ижевск: Удмуртия, 2002. – С. 29 - 32.

³ Ветрова О. А. Особенности влияния искусства на менталитет русского человека: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Курск, 2004. – С. 13. Казакова О. М. Национальный менталитет в языковой картине мира (на примере сопоставления русскоязычной и англоязычной картин мира): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Барнаул, 2007. – С. 10.

⁴ См.: Толмачев Н. И. Культурный менталитет предпринимателя: дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 1997. – 115 с.

⁵ Кульпин Э. С. Эволюция российской ментальности. Два субэтнуса // История и современность. – 2008. – № 2. – С. 46 - 50.

ферентных с историей областей социогуманитарных и естественно-научных знаний, где шёл процесс накопления и осмысления фактов о многоканальной, обоюдной взаимосвязи политико-экономических и социокультурных явлений и событий в российской истории с этническим менталитетом, убедительно подтверждавших его роль как одного из системообразующих духовных оснований в жизни общества. С помощью историко-сравнительного метода изучена практика разграничения смыслов между родственными понятиями «менталитет» и «ментальность», между понятиями «менталитет» и «культура», получившая обоснование в социально-гуманитарных науках и главным образом – в исторической антропологии.

Руководствуясь положениями теории К. Г. Юнга об архетипах, многие авторы локализовали менталитет в архетипических формах врождённого коллективного бессознательного. Последние, по их убеждению, во многом обуславливают специфику многочисленных коммуникативных каналов, структуры и внутреннего содержания, в первую очередь этнической среды как ядра социальной системы общества, изначально представляющей собой продукт психологической адаптации населения к историческим событиям и другим внешним и внутренним факторам жизнедеятельности в пределах общей территории с особыми свойствами биосферы.

Вместе с этим исследователям не удавалось избежать общих издержек. В сложившемся междисциплинарном пространстве отсутствовал консенсус в дефинициях по поводу согласованного употребления ключевых понятий, многие из которых имели трансцендентальные смыслы, не имевшие чёткого перевода на язык рационального мышления. Нередко авторы в узкодисциплинарном контексте допускали упрощенное понимание сущности менталитета, односторонне представляя его в виде «непостижимой» иррациональности, сохраняя тем самым контрверзу – проблему интерпретации структуры менталитета. Отчасти рассмотренная ситуация являлась фактором, сдер-

живавшим использование историко-психологического знания в исследованиях прикладной истории.

3.2. ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СТРУКТУРЫ МЕНТАЛИТЕТА РУССКИХ: АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Любая версия структуры менталитета как умозрительной конструкции предполагает экспертизу на основе фактов отечественной истории. Научно обоснованное выделение её компонентов, а также их многозначных выражений, существовавших в умах людей различных исторических эпох, должно стать достойной заменой бессодержательному штампу объяснения – «это случилось потому, что таков менталитет». Наличие корректно составленной структуры давало повод обратиться к процедурам выяснения и уточнения широкого круга внешних и внутренних обстоятельств, предшествовавших, сопровождавших или(и) явившихся следствием исторических событий и процессов, в причинах которых специалисты находили следы их вероятной обусловленности спецификой психологии больших социальных групп¹.

Анализ историографических обзоров и исследований, посвящённых указанной проблеме с вытекающими вопросами о границах применимости понятий менталитета и ментальности, их функциях и пределах изменчивости во времени и пространстве и другие, позволил вычленив общую для встреченных гипотез «ахиллесову пяту» – отсутствие надёжных критериев для построения соответствующей системности. Не удивительно, что сложность её познания множила способы решения.

Исследования по данной теме в большей мере были сосредоточены в области обоснования дефиниций, призванных ла-

¹ Воробьёва М. В. Понятие менталитета в культурологических исследованиях. – С. 12.